Глубокой ночью Цюаньцзы, уже улёгшийся в своей комнате, был разбужен стуком колёс и ржанием лошадей. Выйдя во двор, где дул прохладный ветер, он увидел гостей семьи Чжуан, покидавших противоположный берег. Все они, пешие и конные, держали в руках фонари, медленно двигаясь в ночной тьме. Лишь один человек ехал верхом — высокий и статный мужчина, чья фигура величественно вырисовывалась на фоне ночи. Яркий лунный свет упал на предмет за его спиной — казалось, то был лук.

Кто же это?

Ещё до рассвета Цюаньцзы взвалил на спину бамбуковую корзину и отправился к Тростниковому озеру. Часто бывая здесь, он смастерил на берегу небольшую хижину, где хранил все свои рыболовные снасти.

Ловля рыбы для семьи Чжуан была делом нелёгким, но Цюаньцзы трудился усердно, не боясь тягот. Во-первых, это было поручение от Эрлана, а во-вторых, платили ему щедро.

На своём долблёном чёлне он расставлял сети в озере, а его невысокая фигура купалась в первых лучах утреннего солнца.

Доставив крупную рыбу во двор усадьбы Чжуаней, он ещё не успел приблизиться, как услышал звуки циня. Проследив за музыкой, Цюаньцзы поднял голову и взглянул на окно комнаты Чжуан Яна на втором этаже.

Он не разбирался в музыке, но звуки инструмента казались ему невероятно красивыми.

— А-Хун, что это ты замечтался? — раздался голос А-Хэ, вышедшей из кухни и заметившей его.

— Рыба, — коротко ответил Цюаньцзы, протягивая две большие рыбины.

— Весь в отца, односложный, — покачала головой А-Хэ, отсчитала ему, как обычно, деньги. Цюаньцзы, спрятав монеты, ещё немного постоял, слушая музыку, и лишь затем собрался уходить.

— Хун-сюн! — окликнул его А-Пин, стоявший на деревянной галерее второго этажа и махавший рукой. Рядом с ним был А-Ли.

В тот день А-Пин не пошёл учиться в дом семьи Чжан, а остался дома играть с А-Ли в шашки.

Поднявшись наверх, Цюаньцзы увидел, как А-Пин и А-Ли обступили его, а Даньбин даже завилял хвостом.

— Хун-сюн, у А-Пина есть шашки, хочешь сыграть? — спросил А-Ли.

— Хун-сюн, старший брат подарил мне их, — перебил А-Пин. — Сыграем потом, а сейчас Далан зовёт тебя.

— Угу, — кивнул Цюаньцзы и последовал за А-Пином к покоям Чжуан Бина.

Остановившись у порога, он не вошёл внутрь. Чжуан Бин сидел на коленях перед низким столиком, на котором лежала бамбуковая планка с плотными столбцами иероглифов; рядом с шёлковым письмом валялась горсть счётных палочек — видимо, он вёл расчёты.

— Старший брат, Хун-сюн пришёл, — доложил А-Пин.

Чжуан Бин поднял голову. Цюаньцзы, не выказывая ни робости, ни заносчивости, сделал шаг вперёд и поклонился.

— Вы звали меня, Далан?

— А-Пин и другие говорят, что ты отлично стреляешь из лука. У кого учился?

— Моего наставника зовут Ван Цзи, он охотник из волости Фэн.

— Завтра я отправляюсь на охоту на гору Сигу. Хочешь поехать со мной?

— Хочу, — ответил Цюаньцзы без раздумий.

Чжуан Бин, хоть и сомневался в словах младших, увидел, что Цюаньцзы держится уверенно — не по-детски.

— Хорошо, выезжаем на рассвете. Верхом ездить умеешь?

— Нет.

— Ничего. Завтра просто захвати лук и стрелы.

Из слов Чжуан Бина следовало, что о еде и транспорте позаботятся.

— Ладно, — кивнул Цюаньцзы и вышел из комнаты.

— А вы завтра тоже поедете? — спросил он у А-Пина и А-Ли на галерее.

— Старший брат не разрешает, — покачал головой А-Ли. Он, конечно, упрашивал Чжуан Бина, но тот был непреклонен.

— И мне нельзя, матушка беспокоится, — с досадой ответил А-Пин. Ему тоже хотелось поохотиться, побродить на воле.

— А Эрлан?

Музыка из комнаты Чжуан Яна уже стихла. Цюаньцзы бросил взгляд в ту сторону.

— Старший брат поедет. Говорят, с ними ещё будут дозорный Дуань и староста У, всего несколько человек.

А-Пин слегка поморщился, упомянув старосту У — тот выглядел слишком свирепо, прямо-таки пугал.

— Хун-сюн, там водятся дикие кабаны и большие олени, это опасно, — сказал А-Ли.

— Завтра будь осторожен, — добавил А-Пин.

— Хорошо, — кивнул Цюаньцзы.

— Хун-сюн, давай сыграем в шашки! Помоги мне одолеть А-Пина! — ухватил его за рукав А-Ли.

— А во что вы играете? — спросил Цюаньцзы. У него с детства не было игрушек, и он не умел играть.

— Хун-сюн, вот в эти! Они очень интересные!

— А-Пин, Хун-сюн, может, он занят, не приставай.

— Ничего, посмотрю.

Цюаньцзы видел, как в лавке семьи У играли в облавные шашки, и ему это казалось занятным.

Но ежедневных дел было по горло, поэтому в доме Чжуаней он не задержался. Как только А-Пин объяснил правила и они сыграли одну партию, Цюаньцзы ушёл.

В последние дни он редко видел Чжуан Лань. По словам А-Пина, она теперь всё время крутилась вокруг невестки, а та шила ей платья и заплетала волосы. Странное дело.

Обе были красавицами, но Чжуан Лань терпеть не могла Чжан Сян и не желала находиться с ней рядом даже четверть часа. А вот кроткую невестку она обожала — просто быть рядом с ней уже было счастьем.

В тот день, когда Цюаньцзы пришёл в дом Чжуаней, Чжуан Лань и невестка Линь Цян находились в покоях матушки Чжуан. Линь Цян и матушка Чжуан занимались рукоделием, с той разницей, что матушка подшивала подошвы, а Линь Цян вышивала цветную ленту, украшая её парой изящных колокольчиков. Чжуан Лань, лёжа на лежанке, наблюдала за работой невестки; подперев подбородок и болтая ногами, она была на седьмом небе.

— Невестка, ниточка кончилась, дай я вдену иголку!

— Невестка, а можно я тут рыбку вышью?

— Невестка, какая ты добрая! Рыбка получилась красивая!

— А-Лань, иди-ка погуляй, не отвлекай невестку, — сказала матушка Чжуан. Даже родная дочь казалась ей порой слишком болтливой.

— Не пойду. Я буду тихо.

Чжуан Лань поднялась с лежанки и потянулась.

Спустившись с второго этажа, Цюаньцзы уже собрался уходить, но его окликнула А-Хэ.

— А-Хун, подожди немного.

— Ладно.

Цюаньцзы остался во дворе, наблюдая, как А-Хэ скрылась в кухне.

Вскоре она вышла, неся в руках деревянную пиалу с какой-то похлёбкой — не то чтобы очень аппетитной на вид.

— Эрлан велел передать тебе мясную похлёбку.

После вчерашнего пира осталось много еды, и даже слуги семьи Чжуан в тот день ели досыта.

— Бери быстрее, а то мне потом на западный берег бегать.

А-Хэ сунула пиалу Цюаньцзы, и тот взял её.

— И откуда тебе такое счастье, что Эрлан так печётся о тебе? Мясная похлёбка — это же лакомство!

А-Хэ покачала головой. Им, слугам, о таком и мечтать не приходилось, а вот парнишка из семьи Лю такой удачи удостоился.

«…»

Цюаньцзы, бережно держа пиалу, пробормотал спасибо.

Воспоминания о мясной похлёбке были смутными и далёкими. В детстве, когда он сильно болел, дед купил маленький кусочек свинины, и мама сварила ему похлёбку. Это было так вкусно, что он помнил тот вкус до сих пор.

Вечером Цюаньцзы рассказал матери, что завтра отправится на охоту с Даланом и Эрланом из семьи Чжуан. Матушка Лю велела ему быть осторожным. Хотя она и гордилась его искусной стрельбой, беспокойство перевешивало радость. Но раз он будет с братьями Чжуан, она могла быть спокойна.

— Мама, вот деньги за рыбу, — сказал Цюаньцзы, протягивая несколько медных монет.

— Припрячь их сам. Если понадобится, я попрошу.

Матушка Лю считала, что Цюаньцзы уже вполне самостоятелен, и, возможно, когда он вырастет, их семья заживёт побогаче.

Цюаньцзы вернулся в свою комнату и опустил монеты в бамбуковую трубку с крышкой.

В последнее время он иногда продавал вяленую рыбу в лавке семьи У и скопил немного денег. Матушка Лю не брала их, велела копить самому. Вот Цюаньцзы и смастерил из бамбука копилку.

Затем он достал из-под кровати лук со стрелами, вышел во двор к мишени и принялся тренироваться. Стрелы вылетали одна за другой так быстро, что глаз не успевал уследить, и вот уже колчан опустел. С невозмутимым лицом Цюаньцзы подошёл к мишени, вытащил стрелы, вернул их в колчан и продолжил — *тьфук, тьфук, тьфук*.

На следующее утро, ещё до рассвета, Цюаньцзы, взяв лук и стрелы, отправился во двор семьи Чжуан. Двор был ярко освещён, и две повозки ждали отправления. Чжуан Бин уже сидел в одной, о чём-то беседуя с возницей. Заметив Цюаньцзы, Чжуан Ян поманил его рукой и улыбнулся:

— А-Хун, садись сюда.

Казалось, прошла целая вечность с их последней беседы. Цюаньцзы радостно кивнул.

Чтобы не задерживаться, слуг не взяли. Цюаньцзы был ещё мал и мог не угнаться за группой, да и слугой семьи Чжуан он не был — нечего ему было бежать за повозкой.

Он передал лук и стрелы в повозку и вскарабкался внутрь.

Счастливо устроившись рядом с Чжуан Яном, он уловил лёгкий, едва уловимый аромат,

исходивший от его одежд.

http://bllate.org/book/15945/1425604